

В когорту талантливых сценографов, работавших в 1980 годы над постановками Алтайского театра кукол, входил Александр Толмачёв. При составлении Театральной энциклопедии оказалось, что в наши дни о нем известно совсем не много. Режиссер, заслуженный деятель искусств Украины Евгений Гимельфарб восполняет этот пробел

Евгений Юзефович, вы подарили Алтайскому краевому театру кукол десятилетие своей плодотворной творческой жизни. Как случилось, что молодой режиссер, уже проявивший себя в театрах Рязани и Одессы, уехал в далекую Сибирь и возглавил Алтайский театр кукол?

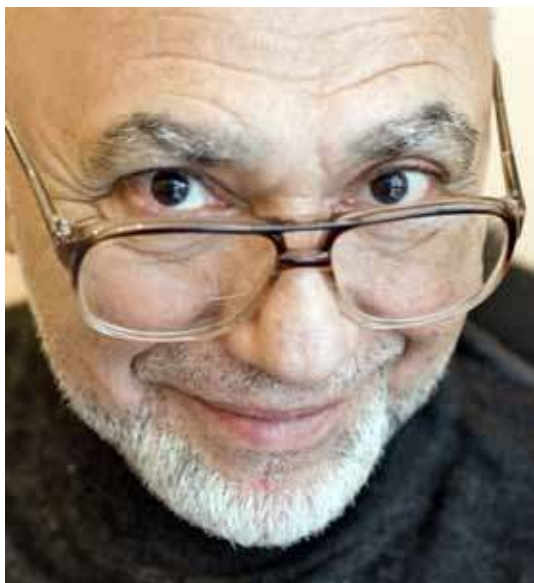
В Барнаул я приехал в 1977-м. В те годы положение вещей было таким, что до Урала мне как представителю определенной национальности Министерство культуры «хлебного» места не давало. На одном из фестивалей театров кукол Урала и Западной Сибири мои друзья (небезызвестные Валерий Вольховский и Роман

Виндерман — тогда главные режиссеры театров в Челябинске и Свердловске) познакомили меня с директором Алтайского краевого театра кукол Антониной Васильевной Яровой. Она и предложила мне должность режиссера. Главным я стал не сразу.

В Барнаул со мной приехали: Валентина Самочкина, Николай Бойко и Лада Бойко, а впоследствии Сергей Столяров, Евгений Бондаренко, Сергей Куц и Николай Петухов. Мы все были выпускниками Харьковского института искусств, хорошо знали друг друга. Но главное — нас объединяла жажда творчески состояться.

Евгений Юзефович, на сцене Алтайского краевого театра кукол вами было поставлено около 30 спектаклей, в работе над которыми участвовали многие талантливые художники, в том числе такие ныне именитые, как Станислав Зайцев, Сергей Столяров, Эсфирь Варшавская. Но совершенно особенной была и остается история вашего сотрудничества с барнаульским художником Александром Толмачёвым. Насколько я знаю, Александр окончил Барнаульское музыкальное училище по классу ударных инструментов и в какой-то момент начал работать в театре. При каких обстоятельствах произошла ваша встреча?

Саша работал в Алтайском краевом театре кукол в должности бутафора-декоратора. Увидел я его впервые в кабинете директора, он пришел подавать заявление об увольнении. Антонина Ярова позвала меня. К слову, о директоре театра: Антонина Васильевна достойнейший человек, без нее наш эксперимент не удался бы. Я спросил Сашу о причинах ухода, и он сказал, что ему скучно. Это был вызов! В этот момент наши характеры схлестнулись. «Ну поставь спектакль как художник-постановщик», — ответил я вызовом на вызов. Саша был человеком отчаянным и смелым и ответил согласием. Первый наш совместный спектакль «Волк на дереве» по пьесе Сергея Козлова.

Евгений Гимельфарб, режиссер

Александр Толмачёв, художник-постановщик. В 1980 годы алтайские «Куклы», возглавляемые режиссером Евгением Гимельфарбом, входили в десятку лучших театров кукол страны и были известны не только в СССР, но и за рубежом

С этого спектакля и началась Сашина карьера художника-постановщика. Жажда творчества у него была сильной, за первые два сезона работы в качестве художника-постановщика он оформил порядка шести спектаклей, в числе которых были и проходные работы, и значимые, например, «Гадкий утенок».

Создается впечатление, что профессиональный рост Толмачёва был весьма стремительным. Уже в 1980-м был выпущен ваш совместный спектакль «Двенадцать» по Александру Блоку, удививший всех необычностью сценического воплощения известной поэмы.

Да, раскрылось Сашино дарование именно в «Двенадцати» по Блоку. Декорации, кукол он делал сам,

своими руками. Я видел, как он отдавал душу каждой сценической детали. Мы доверяли друг другу. Он иногда резко взглядом ловил мой взгляд — это был контроль, понимаю я его или нет, принимаю ли. Спектакль получился яркий, цельный, и актеры наполнили форму вдохновенно.

В том же 1980 году вышел не менее интересный по сценарнографическому решению спектакль «Двенадцать месяцев» по пьесе Самуила Маршака. Постановка была хорошо принята не только публикой, но и отмечена на серьезном международном фестивале.

В это время Роман Виндерман ставил у нас «Декамерон» по Боккаччо. Я пригласил его на постановку.

Сцена из спектакля «Двенадцать месяцев»

Не вся труппа вошла в его спектакль, и чтобы не вошедшие не страдали, я задумал осуществить свой давний замысел, тем более, что Виндерман ставил спектакль со своим художником. Саша прочел пьесу Маршака и начал работать. Пьеса архаичная, и Саша начал честно рисовать что-то хорошо знакомое всем нам — детям советского воспитания. Я принял это как издевательство — не за этим я и мои друзья-актеры приехали в Сибирь. Я сказал Саше, что мне нужны не натуралистические декорации, а три палки и куклы из рук деревенского умельца. Думаю, что он не сразу понял меня, и начал делать все опять своими руками, как бы антихудожественно. Смотрел на меня с легкой ехидцей. А я говорил: «Супер! Отлично!» Так мы с ним оба прочувствовали фольклор, ставший основой пьесы. Этот спектакль мы показывали на X Международном фестивале театров кукол в Польше. Саша был счастлив, когда мы ходили по польской земле, спектакль был принят восторженно коллегами из многих европейских стран. Череда постановок, осуществленных в сотворчестве с Сашей, продолжилась такими спектаклями, как «Петушиная мельница» Мустая Карима, «Красные дьяволята» Павла Бляхина.

В начале восьмидесятых вами были созданы неожиданные, ошеломляющие постановки, переворачивающие представления о кукольном театре: «Точка зрения» Василия Шукшина, «Тиль Уленшпигель» Григория Горина (художник Сергей Столяров). Барнаульцы перестали воспринимать кукольный театр как детское воскресное развлечение. «Куклы» вполне серьезно разговаривали со взрослой аудиторией. В театральной революции принял участие и Толмачёв. В 1985 году он оформил спектакль «Шинель» Гоголя...

Гоголевский мистицизм был близок Саше. В его характере было что-то мистическое, оправданное его многогранным талантом. Саша был глубоким пессимистом, хотя жаждал успеха. В этом мы с ним уравновешивали друг друга — я жизнерадостный человек. Мне повезло с Сашей, а ему со мной. Вот пример, доказывающий мое убеждение. Мне понравился первый Сашин эскиз к «Шинели», он меня впечатлил, я ничего не сказал и ушел думать, придумывать спектакль. Прихожу к нему в кабинет через какое-то время и вижу: понравившийся мне эскиз разорван на четыре части и брошен в корзину для мусора. Я зорал

Театральные программки. Художник — Александр Толмачёв

на Сашу: «Что ты сделал?!» На мое отчаяние Саша широко улыбнулся и сказал с искренним удивлением: «Что, нравится?» Таков был Саша. Его съедало неверие в себя. Именно этот эскиз, восстановленный Сашей, сейчас находится в Барнауле в музее истории литературы, искусства и культуры Алтая. К огромному моему сожалению, нас разъединили обстоятельства. Мы задумывали постановку «Гамлета». Были уже первые эскизы...

Эскиз Александра Толмачёва к спектаклю «Шинель» Н.В. Гоголя

Барнаульские зрители до сих пор помнят ваши постановки, их глубинные смыслы, метафоры, зашифрованные знаки. Даже удивительно, как такое вообще могло быть в годы тотального партийного контроля над искусством. Как это объяснить?

Естественно, нас жестко контролировали. Такова была норма жизни: нам давали деньги на постановки и отслеживали нашу лояльность, а мы делали свое дело, держа фигу в кармане. Таков был принцип существования художников всего СССР. У нас не принимали спектакли с первого, второго, третьего раза. Мы делали вид, что переделываем, ничего не меняя, устраивали общественные просмотры бесплатно. В конце концов, они вынуждены были терпеть нас.

В 1970–1980 годы мощный творческий импульс исходил от коллективов театров кукол Урала и Сибири. Благодаря творческой деятельности режиссеров Евгения Гимельфарба, Романа Виндермана (Свердловск), Валерия Вольховского (Челябинск), Виктора Шраймана (Магнитогорск), Михаила Хусида (Тюмень, Оренбург) зародился новый так называемый «третий жанр театрального искусства», когда куклы и актеры на равных играли на сцене, дополняя друг друга. Театры кукол брались за серьезную драматургию, осуществляя постановки по произведениям классиков русской литературы и современных писателей. Этот интереснейший в истории театра кукол период выпал и на долю сценографа Александра Толмачёва.

После отъезда Евгения Гимельфарба из Барнаула в 1987 году Александр Толмачёв работал в Алтайском краевом театре кукол еще всего пару лет, дальнейшее его сотрудничество с театром не сложилось. При смене художественного и административного руководства возникла конфликтная ситуация, вследствие которой Толмачёв ушел из «Кукол».

В последние годы работы в Алтайском краевом театре кукол он оформил спектакли «Опасная сказка» Ирины Демченко, «Голый король» Евгения Шварца, «Айболит против Бармалея» Корнея Чуковского (инсценировка Николая Кострюкова), «Солнышко и снежные человечки» Александра Веселова. Как режиссер и художник осуществил постановку спектакля «По щучьему велению» Елизаветы Тараховской. Толмачёв откликнулся

на подготовленные гастролы в Москву нас не пустили, боялись проштрафиться перед центральными органами. А Ленинград нас принял, и это были весьма успешные гастролы.

Евгений Юзефович, как вы можете охарактеризовать Толмачёва-сценографа?

Искусство интересно только тогда, когда художник — личность. Саша был яркой личностью со своим мировоззрением, достаточно твердым характером, что крайне необходимо художнику небанальному. К сожалению, люди легче воспринимают знакомое им, а увидеть отраженное глазами художника сложно. У Саши был свой духовный мир, и все, что он делал, было отражением его яркой, самобытной индивидуальности.

и на предложения театров кукол других городов, оформил постановки Свердловского театра кукол «Петушиная мельница» (1985), Калининградского театра кукол («По щучьему велению» Тараховской, «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина), Магаданского театра кукол («38 попугаев», 1989), Белгородского театра кукол («Слон» Александра Копкова, 1991).

Александр Леонидович успешно пробовал свои силы в постановках других барнаульских театров. В Алтайском краевом театре драмы он оформил спектакли «Кабала святош» Михаила Булгакова, «Поминальная молитва» Григория Горина, в Тюзе — «Шестеро персонажей в поисках автора» Луиджи Пиранделло и «Сказ о дивном гудочке» Бориса Шергина. В Томском театре драмы работал над сценическим пространством «Поминальной молитвы» Горина и «Дяди Вани» Чехова.

Неосуществленным остался замысел к спектаклю «Жив Петрушка», художник успел подготовить к постановке эскизы, которые, к счастью, сохранились.

Не находя творческой реализации в Барнауле, Александр Толмачёв решил уехать из родного города, он принял предложение Белгородского театра кукол. Трудный выбор был сделан, хотя сама мысль о том, что он вынужден покинуть место, с которым связано все в его жизни, была для художника слишком тяжелой.

Только один человек, товарищ по работе в театре кукол Игорь Хайтман, пришел помочь Александру в погрузке вещей в день выезда из квартиры. Это было 10 октября 1991 года. Александр Толмачёв умер

в подъезде своего дома на руках друга — инфаркт.

Ему было всего 43 года. Короткая и яркая жизнь во имя искусства. Александр Леонидович Толмачёв внес значительный вклад в театральную культуру Барнаула. Он ушел из жизни в год, когда страна переживала драматические события, связанные с развалом СССР. Тогда даже многие собрались по театральному цеху не смогли в полной мере оценить утрату, поскольку насущные проблемы собственного существования вышли для каждого на первый план. Усилиями друзей в 1991 году в выставочном зале Алтайского отделения Союза художников была организована выставка, посвященная памяти художника Александра Толмачёва. Первая и последняя.

На смерть товарища по театральному цеху откликнулся художник Сергей Столяров: «Ему было сорок три года, тринадцать из которых он проработал в театре кукол. На выставке, которую организовали его друзья, была собрана лишь малая толика того, что он сделал за эти годы. Многие его работы просто не сохранились. Не умеем мы хранить то, что есть сегодня, а после горько жалеем. Не однажды пылали костры во дворе театра, в огне которых сгорали куклы и декорации. Вернуть ушедшее невозможно. Но сохранить оставшееся мы просто обязаны. Александр Толмачёв не имел диплома художника, он был художником. Он держал ритм, этот парень, барабанные палочки которого однажды покрылись колонковой щетиной, и из мира звуков унеслись в мир изображений». ■